

Экономические парадигмы развития Дальнего Востока в 21 веке / Тезисы докладов научной конференции студентов, аспирантов и преподавателей ИМиБ ДФУ. Владивосток, 2011.

Останин В.А., д.э.н., профессор

(Дальневосточный федеральный университет, Владивосток)

ВОЛЯ К ВЛАСТИ ДЕНЕГ КАК ЛОЖНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Всё моё – сказало золото.

Всё моё – сказал булат.

Всё куплю – сказало золото.

Всё возьму – сказал булат.

А.С. Пушкин

В философии экономики на протяжении последних не менее двух столетий предпринимались не совсем успешные попытки объяснить наиболее существенные мотивы поведения экономических субъектов в процессе производства, распределения и потребления создаваемых ими жизненных материальных и духовных благ. Например, после работ А. Смита возникло непререкаемое суждение о том, что индивидуальный, или эгоистический, интерес есть движитель всего прогресса. Люди руководствуются своими эгоистичными интересами, ориентируя их в направлении приращения богатства. Каждый бессознательно реализуя свой корыстный эгоистический интерес, создает предпосылки для реализации некоторого уже общего интереса. Это соответственно формирует «невидимую руку рынка». Доход, его прирост стал основным движущим мотивом всего частного производства. Фактически речь идет о доминирующей цели коммерческого предприятия – получение прибыли, т.е. некоторого чистого дохода, который определяется как разница между получаемыми доходами и издержками производства, распределения и иными вмененными расходами.

Это исходное положение принималось как само собой разумеющееся и не нуждающимся в критическом осмыслении в силу своей очевидности и вне временного характера проявления. Однако это доминированное целеполагание не может быть признано, по крайней мере, с позиции текущего времени, т.е. *sub specie temporis*, а тем более с позиции вечности *sub specie aeternitatis*. При этом мы исходим из того фундаментального положения в дальнейших наших выводах, что целеполагание формирует общую детерминанту развития материальной цивилизации, предопределяет вектор, ориентиры экономического развития общества, будучи при этом формой выражения уже более существенного и вневременного, т.е. субстанционального. Этой сущностью мы полагаем волю, опираясь на те философские воззрения, которые оставили

нам представители немецкой философии: А. Шопенгауэр, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше. Воля как философское понятие становится центральным понятием в этих философских системах. Работы последних лет позволяют трактовать волю как социальное явление, которое базируется на глубоких онтологических основаниях. Воля как родовое понятие приобретает свои модифицированные формы, что позволяет исследователям построить уже свои философско-методологические системы, которые могут расширить наши познания в такой сложной области познания, как познание законов развития экономических систем. Как нам, этим методологическим основанием может стать уже «воля к власти». А. Шопенгауэр и Ф. Ницше полагали, что модификация мировой воли в форме «воли к власти», понимаемая одновременно и как «воля к жизни» есть самое глубокое основание всех изменений в мире, формирующие вектор социально-экономического, политического развития сообществ. Однако мы не склонны полагать, что исключительно только воля, как «темное» начало у А. Шопенгауэра, есть источник всего сущего, своего рода кантовская «вещь-в-себе». Все остальное есть мир кажущийся, т.е. мир как представление. Мир который создается самим человеком есть одновременно не только мир, творимый «темными» силами стихии человеческой природы, но и мир разумный. Воля и разум имеют один общий дом, они переходят друг в друга, отрицают друг друга. Воля, как «темное начало, доминирует в поведении человека, но будучи познаваемой разумом воля уже сама отрицается и переходит в сферу разумного, логичного.(5)

Однако для реализации воли человек нуждается в ресурсах. Такими ресурсами становятся объекты природы производящей или творящей (*natura naturans*) и природы творимой или производимой (*natura naturata*), даровые силы природы, силы, которые уже даруются человеку самой организацией труда, т.е. кооперацией, накопленным опытом, знанием, наконец, таким же человеком, которого другой может рассматривать как средство для достижения своих особых целей. Однако для того чтобы превратить другого человека как в средство, человек должен обеспечить применение ресурса власти. Власть становится тем самым тем ресурсом, который позволяет обеспечить одному человеку доминирование над другим, закрепляя его за выполнением определенных производственных функций и используя для этого силу, либо подчиняя его иными способами.

Таким образом, проблема воли может получить свое разрешение исключительно использованием этого ресурса власти. Воля становится действительностью по-Гегелю посредством ресурса власти. Без этого ресурса воля есть некоторое темное вождение. Другими словами, власть есть реализовавшая себя воля, которая из потенции трансформировалась в актуальность. Воля к власти есть, таким образом, стремление осуществлять процесс обеспечения условий своего воспроизводства. Подобное понимание дает основание Ф. Ницше понимать одновременно волю к власти и как волю к жизни.

Это наличие материальных ресурсов обеспечивает формирование особых отношений собственности, как некоторой совокупности объективных экономических условий, обеспечивающих производство, присвоение, распределение, потребление условий бытия самого человека. Эти отношения можно представить по своей природе и как социальные отношения, когда человек воспроизводит эти условия жизнедеятельности в некотором социуме. В результате в обществе оформляются властные отношения между отдельными членами сообщества, формируется властные поля со своими очагами напряженности и концентратами власти. Основными источниками властных полей в обществе всегда будут оставаться индивиды или группы людей, которые формируют свои особые отношения к средствам их собственного воспроизводства, в том числе и ресурсам власти. Эти особые группы людей следует классифицировать уже как классы во внутренне противоречивом «социальном поле».

Посредством сформировавшихся отношений власти реализуются подчинение, подавление воли других членов сообщества, а следовательно и реализация процессов присвоения, распоряжения и потребления. Власть таким образом впаяна в отношения собственности, представляя уже собственность как некоторую целостность, или тотальность. Это дает основания для суждений о том, что отношения собственности становятся материальной основой для других ветвей власти, например, политической. Это присвоение и распределение условий жизнедеятельности не может не опосредоваться такими институтами, как институтом религии, морали, этики. Собственность как целостность формирует и достраивает до своей целостности или тотальности иные формы человеческого общежития, что позволяет говорить о собственности как о религиозном отношении, этическом, нравственном. Этот методологический подход позволяет преодолеть абстрактность обедненного основания власти исключительно как экономического отношения. Однако следует только быть менее категоричным в утверждении собственности как экономического отношения как единственного основания. В сфере сущности не может иметь место детерминирование. Человек как носитель властных отношений есть всегда человек целостный, несмотря на то, что многие видные философы наделяют его эпитетом «одномерного человека». Человек экономический есть одновременно человек нравственный, религиозный, т.е. целостный, даже если эти положительные качества у отдельных индивидов отсутствуют. Попытка отделить условия материального производства человеческой жизни от духовных долгое время господствовала в экономической теории. Последнее приводило к процессу творения безжизненных абстракций. Например, в марксизме принималось в качестве аксиомы положение, что материальные отношения формируют некоторое основание, базис, на котором вырастают, получают свое оформление отношения нравственные, политические и т.д. Действительность не подтвердила подобных выводов. Ежедневная производственная деятельность

направлена по своей природе на производство материальных благ. Исключительным мотивом этой деятельности стал страх голода, либо получение дохода, прибыли. Эти отношения в работах ученых часто отделялись от всех других мотивов. А такие мотивы, как например, честь, гордость, солидарность, моральный долг или просто ответственность за общую судьбу, принимались как несущественные, не имеющими отношения к повседневной производственной деятельности, отмечает К. Поланьи. В этом виделся источник рокового разрыва материального и идеального, человек как бы лишался смешанных мотивов поведения, при которых он оставался самим собой. В результате в условиях рыночной экономики человеческое общество само оказалось организовано по дуалистическому принципу. Повседневность была отдана материальному, а воскресенье у христиан – идеальному, заботе о душе. Поэтому рыночный взгляд на человека есть одновременно и рыночный взгляд на общество. (З.С.28,29)

Это положение продолжает сохраняться в современной экономической системе, господствующая как очевидная и непререкаемая парадигма экономического развития. Рыночная экономика по настоящее время не видит иные альтернативы развития. Основной вектор её функционирования – прибыль. Даже в границах материального была отброшена как несущественная ориентация на голод, на выживание людей. Однако в специфических условиях России это уже вступает в противоречие с действительностью. Основная масса населения России следует в векторе выживания. Ориентация на прибыль, на наживу стали уделом «элиты» от бизнеса, которая по численности составляет ничтожно малую величину. Однако это не мешает им расширенно воспроизводиться, что следует из статистики прироста долларовых миллиардеров в России в 2010-2011годах. Подобная парадигма развития в России потерпела очевидную неудачу, принцип «воли к власти денег» в основании, оказался ущербным в силу своей обедненности примитивным материалистическим, ложно понимаемым детерминизмом. История человеческой цивилизации показывает глубокую ошибочность этой концепции, а продолжение этой альтернативы на будущее скорее есть теоретически не выверенное направление социально-экономической политики, что способно, в конечном счете, развалить, взорвать все это социально-политическое образование. Экономический детерминизм отражает ложные ценности только рыночного хозяйства. «Воля к власти» в истинно понимаемом ницшеановском смысле как «воля к жизни» есть реальная альтернатива социально-экономического развития. В этой парадигме человек есть целостный, а не человек экономический, который рассматривается сообщество не только как средство получения дохода для иных членов сообщества, но и как средство и бесконечная ценность самого себя и как цель для общества.

На протяжении всей мировой истории человек использовал фактор власти, подчиняя себе не только даровые силы природы, но и других членов сообщества, превращая его тем самым в средство своего собственного

расширенного воспроизводства. Решающими факторами на разных этапах были прямое подчинение вплоть до приковывания работника к средствам производства. Подчиняться или сопротивляться определялось соотношением факторов, которые обеспечивали это подчинение. Однако важнейшим всегда оставалась высшая ценность, т.е. сама жизнь. Вся история становления человеческой цивилизации может быть представлена как непрерывно осуществляющийся процесс подчинения-освобождения индивидов. В истории менялись формы подчинения, инструменты, механизмы реализации власти в обществе, но суть оставалась прежней. Воля к власти могла получить свою реализацию и стать действительностью только при наличии ресурсов, которые в любом случае были пронизаны отношениями собственности, более того, сами эти властные отношения лежали в структуре отношений собственности.

Существенные изменения в отношениях власти-собственности произошли с наступлением индустриальной революции лишь 150 лет назад. До этого периода можно говорить, что рыночная экономика скорее была эпизодом. Сами рынки в Средневековой Европе следует рассматривать как некоторые вкрапления в среду производства самого человека, другими словами, его выживания. Производство дохода в форме денег не было детерминантой, движущимся мотивом средневекового человека. Это феномен уже поздней «рыночной экономики» времен Адама Смита. Мотивы выживания доминировали в более ранние времена. Как свидетельствует историк и экономист Ф. Бродель, именно выживание, борьба с хищниками в средние века были более насущной проблемой, чем производство прибыли в современных условиях. Так, «в 1420 году стаи волков проникают в Париж через бреши в крепостных стенах или через плохо охраняемые ворота; а в сентябре 1438 г. они снова ... нападают на людей. ... В 1640 г. переправившись через реку Ду возле городских мельниц, волки появились в Базансоне и «поедали детей на улицах».(1.С.38.) Другой проблемой для населения был голод. Франция, наиболее развитая страна в Европе познала 10 голодных периодов в 10 веке, 26 – в 11, 2 – в 12, 4 в – в 14, 13 – в 16, 11—в 17 и 16 голодных периодов в 18 веке. (1.С.45.) Голод, который обрушился на Индию в 1630-1631 гг. охватил почти всю страну. По свидетельствам очевидцев люди, чтобы выжить продавали сами себя, имели место коллективные самоубийства, люди поедали павших. «Сотни и сотни тысяч людей умирали, так что страна была вся покрыта трупами, остававшимися без погребения. ... В одной деревне человечина продавалась на рынке». (1.С.47, 48.)

Другое неоспариваемое никем явление в мировой цивилизации – эпидемии, уносившие население целых территорий. Тот же Ф. Бродель приводит свидетельства, что ситуация с эпидемиями чумы ухудшалась от века к веку. «В Амстердаме чума царит ежегодно с 1622 по 1628 г., итог –35 тыс. умерших. В Париже она присутствует в 1612, 1619, 1631, 1638, 1662 и в последний раз в 1668г.» В Лондоне чума повторяется пять раз с 1593 по 1664-1665гг., унося... в общей сложности 156463 жертвы. В 18 веке наступит общее

улучшение, однако чума 1720 года в Тулоне и Марселе будет очень трагичной. В Марселе погибла более половина жителей. Улицы, по свидетельству историка, были полны «трупов, наполовину сгнивших и объеденных собаками».(1.С.56, 57)

Данные исторического исследования подтверждают основную идею, что целеполаганием народов средневековой Европы не могло быть накопление богатства, получение прибыли в результате материального производства. Были весьма прозаические цели – выживание людей как таковых. Наибольшими шансами располагали те, кто обладал большими ресурсами власти, собственности. Воля к власти в этом отношении проявляется наиболее отчетливо как воля к жизни.

К этому материальному ресурсу прибавляется ресурс количества. «Количество разделяет мир, организует его, оно придает каждому массиву живущих на земле его удельный вес,...определяет его уровень культуры и его действенность, ритм его биологического (и даже экономического) роста и даже судьбу его заболеваний и сопротивления им...Но количество давит и на взаимоотношения живых масс между собой, на те отношения, которые характеризуют не только мирную историю людей – обмены, торговлю, -- но и бесконечную историю их войн. ...Война – это многообразная деятельность, она присутствует всегда, даже на «нулевом уровне» истории. Итак, количество заранее намечает ее очертания, силовые линии, повторения, очевидную ее типологию. В борьбе, как и в повседневной жизни, шансы отнюдь не у всех равны. Количество почти безошибочно разделяет группы людей на господ и подданных, на пролетариев и привилегированных в смысле их нормальных возможностей и шансов на успех в данный момент».(1.С.62) Это дает основания для утверждения, что реализация воли в власти как воли к жизни не опосредовалась такими инструментами как деньги. Целеполагание огромных количеств масс сводилось к простому выживанию, которое отнюдь не исключало и расширенное воспроизводство, если этому способствовали внешние и внутренние условия народа. В средние века имели хождение действительные деньги. Характерными признаками действительных денег и их отличие от бумажных денег, или знаков стоимости, заключалось в том, что действительные деньги выполняли пять функций. Будучи изготовленными из драгоценных металлов, они измеряли стоимость товаров, ибо сами были носителями стоимости, материализованной в металле. Эти деньги выполняли функции обращения, платежа, сохранения стоимости, а при пересечении национальных границ выполняли также функцию мировых денег. В результате действительные деньги становились элитным товаром, в противовес остальной «товарной черни». Накопление денег означало накопление богатства. Власть денег была выражением власти, который обеспечивал материальный ресурс. Накопления денег придавали их владельцы соответствующую мощь. Если быть корректным, до термин, который употребляет Ф. Ницше «*Wille zur Macht*», и переведенный как «воля к власти» следовало бы более точно перевести как

«воля к мощи». Мощь же в русском языке понимается как сила, как могущество. Эта сила и могущество, которое обеспечивалось обладанием ресурсов всех форм, позволяло реализовать основной вектор поведения индивидов – волю к власти на условиях собственного выживания и далее – расширенного воспроизводства. Эта сила и мощь позволяла надеяться, что человеку удастся вырваться из ада нечеловеческого бытия. Однако сам по себе вопрос о возможности предполагал и ответ на него. Эта возможность, как потенция, как сила, как мощь к жизни лежала не только в обладании силами природы, которые человек осваивал на протяжении всего своего существования. Эти силы лежали в системе общественного обустройства. Этот вопрос Ф. Бродель поставил и ответил сам. «Можно ли выбраться из ада? Иногда – да, но никогда самому по себе, без того, чтобы согласиться сразу же на тесную зависимость человека от другого человека. Нужно было возвратиться в берега социальной организации, какова бы она не была, или же целиком построить такую организацию со своими собственными законами внутри какого-то контр-общества. Организованные банды незаконных торговцев солью, контрабандистов, фальшивомонетчиков, пиратов или же также особые группы и категории людей, какими были армия и многочисленная прислуга, -- вот почти единственные прибежища для спасшихся, отказавшихся от пребывания в аду. Как бы то ни было, монополизм, контрабанда восстанавливали порядок, дисциплину, бесчисленные формы круговой поруки. Бандитизм имел своих предводителей, свои договорные формы, свои кадры, так часто организованные наподобие сеньории.»(2.С.526) Этот исторический экскурс дает основания понять, что люди лишь постольку только могли реализовать волю к жизни, поскольку объединяясь, смогли создавать социально-экономические анклавные структуры, в которых создавались отношения подчинения, т.е. власти. Однако не только власть как возможность и действительность реализации подчинения обеспечивала изъятие производимого дохода. Сам доход мог создаваться в большем объеме при тех же ресурсах благодаря человеческой кооперации. Эти виды кооперации следует признать уже как даровые силы самого социально-экономического сообщества. Устанавливая и подчиняя членов сообщества в рамках этого социально-экономических образований, только и создавались не только уже иные силовые властные поля, но они и противостояли власти официальной, легитимной. Если в неофициальных нелегитимных полях в основном человек скорее воспринимался не только исключительно как средство, но и как средство и цель признаваемого в сообществе, то в структурах легитимных, официальных это уже было не обязательно. Там власть видела цель в самой себе. Все остальные члены сообщества воспринимались этой властной верхушкой как средство, например, рабы, крепостные, пролетарии, наемные работники).

Воля к власти через инструмент денег стала формироваться позднее, когда выделилось и стало оформляться сословие купцов. Купец получал источник дохода от спекуляций. Негоциант смотрит лишь на то и принимает во внимание

лишь то, что может увеличить его капитал. Каким это образом будет достигнуто – для последнего не приобретало значения. Это можно проследить по деловой переписке негоциантов между собой. Не приходится сомневаться, они трудились, чтобы заработать деньги. Однако одно несомненно, капитализм стал формироваться из духа наживы. «Однозначное, «идеалистическое» объяснение, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, всего лишь увертка, которой воспользовались за неимением лучшего Вернер Зомбарт и Макс Вебер, чтобы ускользнуть от признания мысли Маркса».(2.С.409) Здесь не следует полагать, что в основе смены парадигмы развития имело место исключительно материальные условия, либо исключительно социальные, либо политические события. Попытка выделить один из аспектов, например, материальные предпосылки, как это сделал К. Маркс, приведет только к очередным бессодержательным абстракциям. Следует принимать во внимание всю целостность, отказываясь в методологии познания от принципа механического детерминизма. Наиболее глубокими основаниями следует считать смену парадигмы «воли к власти» на парадигму развития, которую можно обозначить как «волю к власти денег». Из этой парадигмы естественно вытекает современные формы присвоения, социально-экономического обустройства, духа наживы, стяжательства, дикой коррупции, более того самого духа не предпринимательства по М. Веберу, а духа стяжательства. Однако последние уже не могут быть логически объяснены исключительно тем, что класс олигархов, который сросся с государственной бюрократией в России, находится на грани вымирания, как это было ранее в средние века, либо во все доадамовские времена.

Деньги в новой парадигме вытеснили самое главное – источники расширенного воспроизводства и самого человека, которого следует признать как высшую ценность. Деньги как накопленное богатство есть деньги, которые временно выпали в осадок тогда, когда акт продажи не стал совпадать с актом покупки. Это скорее исключение для современного товарно-денежного обращения, своего рода *ad hoc*, а не закон, не существенное явление. Деньги есть не истинное бытие богатства индивида, а симулякр этого богатства. Однако для общества деньги имеют исключительную ценность, ибо позволяют преодолеть бартерные отношения, снизить так называемые трансакционные издержки. Общество извлекает громадную пользу от использования денег, которые опосредуют обмен. Польза для всего общества реализуется и как благо для индивида, но только опосредовано, окольно. Накопление денег как богатства есть скорее модифицированная форма сохранения и приумножения богатства. Эта форма может быть использована скорее на кратковременном периоде, принимая во внимание соотношение сохранения ценности и ликвидности. Накопление же капитала в натуральной форме заводов, рудников, административных зданий, торговых центров, автомобильных и железных дорог, аэропортов и т.д. играет решающую роль в экономическом росте. Без подобного накопления никогда не был реализован тот

экономический рост, который мы наблюдаем и плодами которого мы пользуемся. Без сохранения унаследованного капитала приобретения, сделанные одним поколением, были бы растрчены последующими. Но накопление человеческого капитала в форме возрастающего знания и квалификации, улучшения здоровья и увеличения продолжительности жизни населения также сыграло значительную роль. И оба этих вида накопления взаимно усиливали друг друга. Капитал в натуральной форме способствовал повышению производительности труда человеческого капитала, предоставляя ему орудия труда. А способность людей изобретать новые формы капитала, более эффективно его использовать и получать все большую отдачу от него, организовывать использование овеществленного и человеческого капитала во все возрастающих масштабах являлась одной из причин роста продуктивности капитала. Как овеществленный, так и человеческий капитал нуждаются в уходе и замене. Поскольку воспроизводство человеческого капитала является более сложным и дорогостоящим, чем машин и оборудования, это послужило основной причиной того, что отдача от него росла во много раз быстрее. (4.С.35,36)

Используемое в экономической литературе понятие «Власть рынка» есть скорее иррациональное понятие, если только под этим рынком не понимать его специфическое состояние – монополию, монополию или олигополию. На конкурентном рынке не может доминировать ни один покупатель, ни один производитель, ни один продавец или покупатель не может навязать свою волю. Для этого конкурентный рынок не располагает потенциально никакими ресурсами. На рынке действуют экономически свободные агенты, это положение остается справедливым и при условии, если этот рынок нелегальный. Добровольный обмен является необходимым, но не достаточным условием процветания и свободы. (6.С.25,26) Но это положение можно распространить по аналогии и на волю к власти. Реализоваться себя воля к власти может на конкурентном рынке, стремясь обеспечить противоречивую гармонию интересов продавцов и покупателей на основании «справедливой» цены. Однако воля к власти денег уже стремиться к формированию и становлению монополярной цены продавца или покупателя. В этом случае начинает доминировать особые интересы, которые начинают использовать ресурс монополярной власти, добиваясь перераспределения дохода в процессе обмена в свою пользу через механизм монополярных цен.

Однако абсолютная ликвидность денег позволяет им трансформироваться в любые формы активов, имущество, производительный капитал, а также в систему власти. Понятие «Инвестиции во власть» из некоего иррационального понятия превратилось в содержательное, с логичным концептом и денотатом. Власть денег и деньги как власть есть выражение одного и того же социально-экономического, политического, этического, религиозного феномена, или феномена собственности как тотальности. Индивиды, которые находятся в избранной ими концепции поведения, ориентированной на реализацию «воли к

власти денег» используют деньги для позиционирования себя в новом силовом, социальном поле власти, конвертируя деньги во власть. Теперь уже власть становится фактором наращивания мощи денег, раскручивая спираль «власть-деньги-власть».

Однако в этом круговороте, где основным фактором наращивания богатства становится власть легитимная, публичная, человек уже не может рассматриваться как средство и цель одновременно. Индивиды, которые выпали из властного поля перераспределения дохода как реципиенты, могут стать исключительно как доноры индивидов, присвоивших ресурс публичной власти. Это реализуется посредством института государства. Государственная бюрократия, по К. Марксу, узурпирует властные публичные функции и превращает тем самым государство в свою частную собственность.

Сказанное нами не относится ни в коей мере ко всему сообществу публичной бюрократии. Наличие публичной бюрократии столь же необходимо, как и потребность в пекаре. Речь идет о той ее части, которая сменила и руководствуется парадигмой «воля к власти денег» как собственности. Тем самым оформляются особые отношения у этой группы к формам присвоения дохода. Мы имеем все основания для утверждения, что эти особые отношения у особой группы людей являются достаточным признаком для отнесения этой группы к классу общества с соответствующим участием распределения власти в обществе. Именно эта группа реализует отношения эксплуатации других членов сообщества. Именно эта группа и относится к другим членам сообщества как средству и только, но не как к средству и цели одновременно.

Новая оформившаяся парадигма социально-экономического, политического развития России таким образом обнаруживает свою эксплуататорскую природу, в результате чего в России реальностью стало отчуждение власти от народа, степень которой уже приводит к социально-экономической и политической напряженности. Если в предшествующие эпохи воля к власти рассматривалась одновременно и как воля в жизни, что и позволяло обеспечить выживание, то в современных условиях воля к власти денег уже ведет к прямому уничтожению населения земли. Современные военно-политические конфликты имеют одну природу, один источник – реализуемый принцип «воли к власти денег». Деньги как власть становятся инструментом, позволяющим перераспределять власть, а следовательно и перераспределять материальные условия жизнедеятельности и факторы самой жизни человека. В современных условиях уже стало не обязательно и не необходимым прибегать к грубому насилию. Завоевателю следует еще заботиться о лице гражданского, культурного человека, которые не источник политического напряжения в стране или мире, а очередной нобелевский лауреат премии мира. Подкупать властителя в регионе, как собственной страны, так и подкупать марионеточного суверена уже в глобальной структуре миропорядка стало гораздо дешевле и менее накладно, т.е. эффективно, если применять соответствующую либеральную терминологию.

Первый «покупает» ярлык на властвование, например должность губернатора, федеральный центр покупает лояльность населения территории региона. Тем самым формируется новое поле власти, распределение власти в обществе, позволяющее обеспечить «гармонию» интересов во властных структурах. Лучшим инструментом, чем деньги для этих целей предусмотреть сложно. Деньги стали легитимным инструментом, реализовалась система институционализации денег, деньги приобрели еще одну функцию – деньги как олицетворение власти экономической превратились в олицетворение власти политической как внутри страны, так и в глобальной экономике и политике.

Количество денег стало еще одним фактором укрепления власти в тех руках, кто смог сосредоточить их в больших количествах. Большие деньги не только приносят большую добавленную к ним стоимость, но и увеличивают эту долю интенсивно. Речь идет как об экстенсивном накоплении, так и интенсивном накоплении богатства в денежной форме. Равномерно экстенсивное накопление богатства не приводит к изменению соотношению власти в обществе. Однако в действительности это экстенсивное количество может формировать предпосылки и для интенсивного количества. Олигарх имеет гораздо больше возможностей как разместить большие депозиты по более высоким ставкам и на более длительный период без особого ущерба. Его богатство в денежной и иных формах служит само по себе гарантией. Эти экстенсивно большие объемы вкладов в сравнении с вкладами рядовых граждан приобретают интенсивное количество в наращении. Рядовой гражданин при прочих равных условиях будет размещать на депозитах меньшие суммы и на меньший срок. В результате для банковского сектора эти деньги уже изначально будут менее ценными, следовательно, интенсивная величина наращения — ставка по депозитам — будет ниже.

Это правило можно применить и к ставкам по кредитам. Привлечение кредитных ресурсов для богатых членов сообщества также может быть ниже уже по той причине, что оставшаяся собственность может послужить в качестве залога. Риск кредитования может быть меньше для банка, поэтому богатые и состоятельные граждане могут рассчитывать на менее интенсивное нарастание долга по кредитам. Но если небогатые люди, размещая депозиты в коммерческих организациях, руководствуются в основном сохранением своего богатства хотя бы от инфляции, то имеющие большую ликвидность всегда преследуют цель – извлечь доход от вклада. В итоге при прочих равных условиях накопление богатства осуществляется не пропорционально для богатых и для рядовых граждан по росте национального дохода в обществе. Но тогда принимая во внимание то, что было изложено ранее, меняется и распределение власти экономической, а затем и политической. С момента присвоения власти политической следствие само становится причиной. Система начинает расширенно воспроизводить власть, которая будет только усиливать разрыв одновременно в сфере власти экономической и власти

политической. Процесс углубления разрыва в реализации власти в обществе начинает приобретать все признаки самовоспроизводящегося процесса.

Воля к власти денег как основание поведения олигархов приходит в противоречие с основанием поведения рядовых людей, для которых основанием является воля к мощи расширенного воспроизводства. Однако для рыночной экономики характерно то, что продажи дают доходы, которые направляются на покупки. Становится несущественным, являются эти доходы результатом продаж рабочей силы, доходами по депозитам, сдачей в прокат имущества. Доходы извлекаются из продаж, а доходы направляются на покупки или сбережения. Однако эта модель рыночной системы работает до тех пор, пока есть мотивы для продажи. Если первичное распределение национального дохода таково, что соотношение доли прибыли и доли необходимого продукта в форме заработной платы уже не может устраивать вторых получателей, т.е. наемных работников, то система входит в стагнацию. Современные условия уже тем отличаются от средневековых, что страх потерять жизнь от голода более не становится актуальной как в средневековье. Для современной экономики приобретают актуальность мотивы религиозные, этические, эстетические в том числе. Если для рыночной экономики в большей степени характерны мотивы голода и дохода, то какое место отводится иным мотивам? Другими словами, могут ли приниматься во внимание положение, что в иных социальных системах мотивы голода и денег не являются исключительными? Что могут существовать и более сильные мотивы производственной деятельности, которые соединены определенным образом с мотивами голода и денег. Как отмечает по этому поводу Карл Полањи, «В истории человеческой цивилизации невозможно найти человека, действия которого направлены были бы на обеспечение индивидуального интереса в получении материальных благ, а скорее всего, столкнемся с тем, что его действия направлены на обеспечение его социального положения, его социальных притязаний, его социальных активов. Он ценит материальные блага преимущественно как средство для достижения этой цели. Экономика человека, как правило, отражает его социальные взаимоотношения».(З.С.25) В области первобытных экономик приобретает фундаментальное значение результаты антропологических исследований Б. Малиновского и Р. Турнвальда. Их выводы сводятся к констатации положения, в соответствии с которым миф об индивидуалистической психологии первобытного человека не прошел проверку на истинность. Не было обнаружено детерминирование в поведении дикаря ни грубого эгоизма, ни склонности к бартеру или иному обмену, ни тенденции добывать главным образом для себя. Но точно также не выдержал проверку и тезис о коммунистической психологии «дикаря», о его низкой способности понимать, осознавать и ценить личный интерес. Истина состоит в том, что человек практически не изменился за весь период становления мировой цивилизации. Поведение древнего «дикаря» становится понятным и современному человеку. Экономическая система организована так, что участие

в производстве не является следствием боязни голода или страха голода. Древний человек имел свою долю в общественных ресурсах независимо от того, принимал ли он непосредственное участие в их производстве или добычи. Индивиду в первобытном обществе не угрожала голодная смерть только потому, что он не участвовал в приобретении или производстве общественных ресурсов кроме тех ситуаций, когда все общество находилось на грани вымирания. Характерной особенностью первобытных сообществ являлось то, что отсутствовало стремление получать прибыль в процессе примитивного производства или обмена. Выгода, выступающая стимулом в рыночных экономиках, никогда не выступала в качестве мотива самого производства в условиях первобытного хозяйства. Более того, отсутствует труд на условиях его оплаты. (З.С.26)

Важным для наших выводов является суждение о том, что не голод, не выигрыш, а гордость и престиж, ранг, статус, публичная похвала и личная репутация выполняли функцию индивидуальных мотивов в производстве благ. И страх голода и иных материальных лишений не всегда доминировал в выборе мотивов поведения. Рынки были широко распространены при всех типах человеческой цивилизации, однако они продолжали оставаться местами торговли. Однако купцы уже были ориентированы на получение дохода. Тем не менее, их роль не была столь существенна, они продолжали оставаться изолированными островками, не связанными тесно с процессами производства благ. Вплоть до 19 века рынки не доминировали в экономиках практически всех стран. (З.С.27) Это аргументы свидетельствуют о том, что мотив денег, мотив прибыли, наживы не может быть принятым уже на основе того, что он не обладает даже признаками необходимости. Ориентация на доход, нажива есть не более как момент в длительной истории развития человеческой цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, 15-18 вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер с фр. Л.Е. Куббея; Вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Издательство «Весь мир», 2011.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, 15-18 вв. Т.2. Игры обмена / 2-е изд.; пер с фр. Л.Е. Куббея. – М.: Издательство «Весь мир», 2011.
3. Поланьи Карл. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.
4. Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. Наша позиция. Пер. с англ. М.: Новое издательство. 2007.
5. Останин В.А. Воля в структуре смысла. Владивосток. Изд-во ВФ РТА, 2005г.